

Зигмунд Фрейд — разрушитель древних скрижалей

Кем был Зигмунд Фрейд? Вопрос неспроста. Ведь дамоклов меч «развенчания» фрейдизма более чем на полвека воспрепятствовал открытому и свободному восприятию психоанализа, отнюдь не бесспорной научной теории, оказавшей ни с чем не сравнимое воздействие на духовную жизнь человечества в XX веке.

Сегодня есть возможность каждому составить самостоятельное суждение о личности Фрейда и его психоанализе.

Суть теории Фрейда в том, что сложные формы социальной жизни, культуры, поведения личности предопределяются «первичными влечениями» (прежде всего половыми), толкающими человека к самоутверждению. Фрейд объяснил первопричины многих явлений человеческой психики, в том числе и разнообразных неврозов. А в нашем суетном мире вряд ли найдется человек, совершенно свободный от них.

Итак, кто же он, Фрейд? Великий ученый — психиатр и психолог, оказавший огромное влияние на всю мировую культуру XX века? Бесстраш-

ный новатор в области исследования человеческого духа? Врач, излечивший от нервных болезней множество детей и взрослых? Друг писателей с мировыми именами — Романа Роллана, Томаса Манна, Стефана Цвейга? Корреспондент, оппонент великого русского физиолога И. П. Павлова, находившегося с Фрейдом в переписке?

На каждый из этих вопросов можно дать утвердительный ответ. Но прежде всего он, очень не любивший, по его неоднократным признаниям, научных перебранок, был бунтарем в науке, в медицине, готовым «пожертвовать жизнью ради великой идеи». Об этом он писал в письме к невесте Марте Бернайс еще в 1886 году. А в «Очерках истории психоанализа» (1919) утверждает: «Люди сильны, когда защищают великую идею...»

Все это уже достаточно известно. Но, вероятно, для многих будет открытием, что Зигмунд Фрейд был... поэтом. По крайней мере в тех полутора тысячах писем, которые он отправил своей невесте Марте Бернайс за четыре года от помолвки до свадьбы (1882–1886).

Зигмунд познакомился с Мартой в доме своих родителей — она оказалась подругой его сестры. Встреча была случайной. Марта жила в предместье Гамбурга, а Зигмунд работал и учился в Вене. После помолвки мать невесты поставила перед Фрейдом условие: свадьба состоится лишь тогда, когда тот сможет обеспечить благосостояние семьи...

«Сокровище мое, Мартхен» — так начинались многие письма Фрейда, написанные им более

века назад. Они мчались почти ежедневно в течение четырех лет из Вены в окрестности Гамбурга, где жила его невеста — «маленькая принцесса». Он называл ее ласково — Мартхен. По-русски «Марточка» звучит неточно, не передает, говоря словами Зигмунда Фрейда, структуру душевных движений. По аналогии с Гретхен из «Фауста» Гёте, на которого Фрейд опирался в своих работах и которого любил, мы решили сохранить этот уменьшительно-ласкательный немецкий суффикс.

О чем же писал Фрейд невесте? Только ли о любви? Естественно, прежде всего о любви. В его письмах и рыцарское служение Прекрасной Даме, своей Корделии — Мартхен («Для меня такая радость дарить тебе что-нибудь», — писал он), и понимание многообразия человеческих отношений («Мы обеднили бы наши взаимоотношения, если бы я видел в тебе только лишь возлюбленную, а не друга», — признавался Фрейд невесте), и сомнение в том, насколько сильно ответное чувство Марты («Я не намерен вести только монологи, обращенные к любимой в разлуке»).

Фрейд писал невесте рано утром и поздно вечером, иногда днем и даже ночью (он сам указывает это в начале почти каждого письма). Писал в лаборатории, в своем кабинете в клинике, в отеле, в гостинице. Почтительное «Вы» почти сразу сменяется в письмах на дружеское и доверительное «ты».

Его письма густо «населены» людьми, мыслями, чувствами и... прозаическими денежными

расчетами, поскольку безденежье часто посещало молодого Зигмунда.

Литературный дар Фрейда позволяет без особого напряжения живо представить себе и его возлюбленную, «странствующую принцессу Марту», и ее сестру Минну, и талантливого друга Фрейда — Шенберга, и, конечно, младшую сестру Зигмунда — Долфи, отважную Долфи, совершившую вместе с братом поход через горный перевал в Альпах. Из этих писем узнаешь и о родителях Фрейда, почтенных старых жителях буржуазной, викторианских нравов, Вены, и о его сестрах Розе и Митци, которым он всегда считал своим долгом оказывать материальную помощь, даже тогда, когда в кармане было всего несколько гульденов.

В этих письмах, как и в жизни, — широчайший диапазон мыслей и чувств: от трагических нот (там, где он 16 сентября 1883 года исследует психологические причины самоубийства его друга Натана Вайса) до шутливых, ласковых интонаций.

Но, быть может, самое главное в строчках, обращенных к Марте, — философские раздумья молодого ученого, раздумья о жизни и смерти, о смысле ожидания и терпения, о великой тайне человеческого бытия и загадках человеческой психики, многие из которых он впоследствии глубоко исследовал и по-своему объяснил миру.

И еще: в письмах к Марте Фрейд рассказывал о своих друзьях со школьной поры и коллегах по научной стажировке и по работе в клиниках. Это помогает представить ту среду, которая окружала его. Прежде всего имею в виду исполненные

благодарности строки об ученых старшего поколения, которых Фрейд считал своими наставниками, о профессоре Мейнерте, возглавлявшем психиатрическое отделение Венской городской больницы общего профиля, и, конечно же, профессоре Шарко, с которым он познакомился и подружился во время научной стажировки в Париже, в знаменитой клинике Сальпетриер (1885–1886). Ни одно из парижских впечатлений не оказало на Фрейда столь значительного влияния, как профессор Шарко с его новаторскими теориями психических механизмов истерии в области неврозов и шире — в психопатологии.

Фрейд был покорен талантом и демократичностью Шарко, его медицинскими исследованиями. Он видел в нем одного из великих врачей, чей ум граничит с гениальностью. Восемь лет спустя Фрейд посвятит ему некролог, где есть и такие строки: «Как преподаватель Шарко был просто ослепителен. Каждая из его лекций по своей композиции представляла собой маленький шедевр; лекции Шарко давали богатую пищу для ума...»

Тогда же Фрейд восторженно писал Марте о спектаклях с участием знаменитой Сары Бернар, чьей игрой он не раз наслаждался в парижских театрах, о богатствах Лувра и великолепии собора Парижской Богоматери.

Словом, в этих письмах история любви двух молодых людей конца XIX века, а любовь всегда неповторима. Загадки, тайны и странности любви принадлежат к тем вечным вопросам, над которыми мучается отнюдь не худшая часть чело-

вечества. В поисках ответов Фрейд апеллировал к любимому своему поэту и ученому Иоганну Вольфгангу Гёте, к Вильяму Шекспиру, Фридриху Шиллеру, Генриху Гейне, Лессингу. Ссылки на их произведения, свободное цитирование их поэтических творений со всей очевидностью обнаруживают блестящую эрудицию Фрейда. Он словно обращается за поддержкой к гениям мировой культуры: и не только тогда, когда строки его дышат любовью, но и тогда, когда он размышляет в письмах к Марте о свободе, о религиозной терпимости. Одно из писем — 23 июля 1882 года — начинается с вольного цитирования драмы Лессинга «Натан Мудрый» и целиком, до последней строчки пронизано его демократическими, гуманными идеями. К творчеству Готхольда Эфраима Лессинга (1729–1781) автор писем обращается не случайно. Лессинг жил в городе, где спустя век жила вместе с родными невеста Фрейда, Марта Бернайс. Но не только это обстоятельство, вероятно, послужило стимулом ассоциативного движения мысли Фрейда. Не менее важна его солидарность с гуманизмом Лессинга, основоположника немецкой классической литературы, драматурга и теоретика искусства эпохи Просвещения.

В статье «Моя жизнь и психоанализ», написанной уже в конце жизни, Фрейд сообщал, что родился 6 мая 1856 года в Моравии, во Фрейберге, маленьком городке нынешней Чехии, тогдашней провинции Австро-Венгерской империи. «О моих предках с отцовской стороны я знаю, что они некогда обитали в рейнских зем-

лях, в Кёльне; в связи с очередным преследованием евреев, в XIV или XV веках, семейство переместилось на восток, и на протяжении XIX века оно переместилось из Литвы через Галицию в немецкоязычные страны, в Австрию». Кроме раннего детства в Моравии и Лейпциге и вынужденной эмиграции в глубокой старости, Фрейд провел жизнь в Вене, в Леопольдштадте, своеобразном еврейском гетто. Там он окончил гимназию, медицинский факультет Венского университета, где начал свою научную деятельность как специалист в области физиологии и неврологии. Вскоре из-за тяжелого материального положения семьи оставил «чистую науку» и стал врачом-психиатром, уже к 1899 году разработав психоанализ, обессмертивший его имя.

Глухая стена изоляции, возникшая поначалу вокруг идей Фрейда, держалась в Европе не один год. Ханжи от науки подвергали его имя едким насмешкам, не давая себе труда тогда, как, впрочем, и в дальнейшем у нас, в России, вникнуть в суть его теории. Фрейд тяжело переживал это, но рядом с ним всегда было его «сокровище», его любимая Марта, теперь уже супруга и друг. Об этом периоде Фрейд вспоминал не без горечи: «Вокруг меня очень скоро образовалась пустота. Утешением за дурной прием, который гипотеза сексуального происхождения, или первопричины, невротизма встретила даже в тесном кругу друзей, служила мысль, что я отважился на борьбу за новую и оригинальную идею».

В создании учения о «вытеснении» Фрейд был, безусловно, самостоятелен. Но однажды ему по-

казали отрывок из книги Шопенгауэра «Мир как воля и представление», где философ пытался объяснить причины безумия. «То, что этот мыслитель говорил о сопротивлении какому-либо мучительному явлению, настолько совпадало с содержанием моего понятия о вытеснении, что только благодаря незначительности я имел возможность сделать это оригинальное открытие», — иронически признавался Фрейд.

Действительно, читая одного из основателей философии жизни Артура Шопенгауэра (1788–1860), а также Фридриха Ницше (1844–1900), поражаешься сходству их понятий с некоторыми абсолютно самостоятельными идеями Фрейда. К примеру, термин «Оно», обозначающий инстинктивное влечение, впервые встречается именно у Ницше. Правда, в понимании Фрейда «Оно» — одна из трех инстанций психического механизма, наряду с «Я» и «Сверх-Я». «Оно» под пером Фрейда означает средоточие агрессивных и сексуальных влечений, тогда как «Сверх-Я» представляет собой моральное сознание, а «Я» осуществляет приспособление человека к реальности.

Эту концептуальную близость чувствовал и сам Фрейд. В ту пору он, по его словам, «вполне сознательно отказался от громадного наслаждения, которое дает чтение книг Ницше», полагая, что влияние идей немецкого философа уменьшит самостоятельность и объективность его собственного научного поиска. Фрейд был твердо убежден, что «никакие предвзятые идеи не должны служить помехой в переработке его психоаналитических впечатлений».

С начала 20-х годов книги Фрейда начинают завоевывать признание многочисленных читателей во всем мире. Томас Манн произнес знаменитую речь о Зигмунде Фрейде. Стефан Цвейг посвятил соотечественнику впечатляющее по силе воздействия художественно-документальное эссе.

Учение о психоанализе, родившееся из врачебной практики, шагнуло далеко за рамки медицины, оказало огромное влияние на философию, искусство, литературу XX века.

В чем же причины того, что учение Фрейда охватило европейское и американское искусство и философию? Почему именно Фрейд стал своеобразным символом многих особенностей новейшей культуры XX века, а его учение воспринималось как «климат общественного мнения»?

Дело в том, что влияние Фрейда на Западе не было ограничено какими-нибудь рамками. Фрейдизм, по словам Джеймса Олдриджа, стал целой этической концепцией, а не простым механическим приложением к искусству, которое можно легко распознать и отличить от традиционных творческих методов.

В Европе и США учение Фрейда нередко и в наши дни рассматривается как катализатор современного искусства. На основе обобщения богатейших эмпирических данных фрейдизм обосновал новое, более глубокое представление о природе человека. Он оказал особенно значительное влияние на содержание, форму и творческий метод искусства XX века. Фрейд привнес авторитет строгой науки в исследование побу-

дительных стимулов и коренных целей человеческой деятельности. То, что интуитивно изображали мастера кисти и слова, у Фрейда обрело системность и аргументацию. Благодаря психоанализу широко распространилась точка зрения, что человеческие влечения и страсть — это гораздо большая сила в жизни людей, чем социально обусловленная мораль. Вследствие этого искусство углубляется в исследование внутренней реальности человека, проявляющейся, согласно психоанализу, в мифах, символах и сновидениях.

С Мартой Зигмунд прожил долгую семейную жизнь с момента свадьбы, с сентября 1886 года. Книгой, которую мы предлагаем вниманию читателя, мы обязаны его сыну Эрнсту. Это он опубликовал некоторые лирические послания своего отца в издательстве «Фишер», книга так и называется — «Письма к невесте».

Мы публикуем письма, на наш взгляд, наиболее раскрывающие личность неизвестного нам, влюбленного Фрейда. Ведь писем было 1500!

О Зигмунде Фрейде можно рассуждать бесконечно, но нам остается добавить: в те четыре года (1882–1886), когда его письма летели на крыльях любви к невесте, молодой, тогда еще малоизвестный ученый был, несомненно, счастлив.

Светлана Лайне

Письма к невесте

1882–1886

1 8 8 2

Большой науке я сделаю серьезный комплимент, если скажу: «Высокая наука, я остаюсь Вашим покорным слугой, Вы внушаете мне глубокое благоговение, но не считайте меня безнравственным, Вы никогда не смотрели на меня по-дружески, никогда не говорили мне утешительных слов. Вы не отвечаете, когда я пишу; Вы не слышите, когда я говорю; я знаю другую Даму, которую ценю больше, чем Вас, и она стократно вознаграждает меня за служение ей».

Вена, 10 июня 1882 г.

Моя дорогая, горячо любимая девочка!

Я знал, что, как только нас будет разделять расстояние, ясно пойму всю меру своих лишений. Но все еще не могу осознать глубину своих чувств. Твой нежный образ неотступно стоит передо мной. Это сладкая греза, солнечная мечта, и я боюсь отрезвления.

Друзья говорят, что это и есть настоящая любовь. Вспоминаю отдельные черты твоего облика, такие прелестные и необычные, дарящие чувство такого блаженства, что никакая фантазия никогда не создаст ничего подобного.

Моя Марта — очаровательная девушка, о которой все говорят почтительно, с уважением. И это при первой встрече пленило меня, а благородное доверие наряду с любезностью усилило во мне веру в собственную ценность и вселило новые надежды, я почувствовал прилив творческой энергии, что так необходимо мне.

Если мы встретимся снова, я смогу преодолеть робость и некоторую натянутость наших отношений. Мы вновь окажемся одни в Вашей милой

комнатке, моя девочка опустится в коричневое кресло, а я сяду у ее ног на круглую скамеечку. И мы будем общаться друг с другом... Ни смена дня и ночи, ни вторжение посторонних, ни прощания — никакие заботы не смогут разлучить нас.

Твой прелестный портрет, твой образ... Признаюсь, я сначала недостаточно ценил, когда перед глазами был прообраз, прототип. Но теперь чем чаще я всматриваюсь в портрет, тем больше вижу и сходство, и различия с моей любимой. Я ожидал, что на портрете бледные щеки станут алыми, как те розы, которые держали твои нежные руки. Но дорогой образ остается спокойным и словно говорит мне: терпение, терпение... Я ведь пока только образ, знак, тень на бумаге, а сущность снова явится тебе, и ты никогда не сможешь меня забыть.

С удовольствием помещаю твой портрет среди моих домашних богов, которые висят над рабочим столом. Но суровые мужские лица, о которых я думаю с уважением, как бы подсказывают мне, что нежное девичье лицо должно быть отделено от них. И я готов хоть двадцать четыре часа в сутки вновь и вновь воскрешать свои воспоминания.

У меня не выходит из головы, что я как будто где-то читал об одном человеке, который ни при каких обстоятельствах не расставался со своей возлюбленной, но после долгих размышлений оставил это занятие. Это кажется сказкой в драме

Гёте «Годы странствий Вильгельма Мейстера». Этот сюжет смутно напоминает и о моих желаниях. Спустя долгие годы я перечитал эту книгу и нашел подтверждение своим догадкам. Притом нашел больше, чем искал. Забавнейшие легкие намеки внезапно то здесь, то там вызывали у меня ассоциации с нашими отношениями.

Но когда вспоминаю, какое значение придаешь ты моему самоутверждению, я то сержусь на эту книгу, то с наслаждением отбрасываю ее, утешая себя тем, что моя Марта не русалка, а прелестное человеческое дитя. Мы находим общий язык с помощью юмора и хорошо понимаем друг друга, хотя ты, возможно, будешь разочарована, когда вновь перелистаешь эту маленькую книгу о Вильгельме Мейстере. Но мне не хотелось бы забивать твою голову дикими фантазиями и серьезными идеями, которые одолевают меня.

Это письмо, любимая Мартхен, я написал не сразу. Эли¹ и Шенберг были вчера и сегодня вечером у меня; вчера, кроме них, было еще несколько девушек. Чтобы не возбуждать никаких подозрений, я казался обходительным, компанейским, хотя охотнее остался бы наедине с собой.

Только взгляд Шенберга доставил мне отраду, и рой самых дорогих воспоминаний — в красках и звуках — ожил во мне, когда я смотрел на его энергичное, честное лицо. Главный человек в этих воспоминаниях ты, волшебница... И потому

---

¹ Эли — брат Марты. — Здесь и далее примеч. перев.

Шенберг, которого ты и я знаем, становится мне с каждым днем приятней.

Помню прощание с тобой на вокзале и твой последний привет. А сегодня услышал от Эли известие о твоём приезде, о котором страстно мечтаю.

Твой брат, мне кажется, хорошо себя чувствует у нас в Вене. Я не пошел с ним дальше, сказав ему, что с момента известия о твоём приезде я не одинок. Кроме того, я нашел забвение в работе и утешил себя верой в то, что Марта будет моею так долго, как долго останется Мартой.

Моя дорогая невеста! Если я не решился раньше связать твою судьбу с моею и разделить не только радость, но и суровое несчастье, если я должен тебя все-таки увезти, то позволь это сделать теперь. Постарайся забрать у твоих любимых родственников все фото, на которых ты еще ребенок. Мне думается, я смогу сохранить старые фотографии, которые принадлежат твоей матери, по меньшей мере до твоего возвращения. Если тебе нужно что-нибудь отсюда, я буду счастлив, как никто другой, выполнить любое поручение.

Позволь мне знать все о твоих нынешних отношениях (деловых, дружеских). Это даст мне возможность легче перенести твое отсутствие.

Используй пребывание в Гамбурге для укрепления своего здоровья. Я бы с удовольствием посмотрел на твои щеки, пухленькие, как на детских фотокарточках.

День уже заканчивается, письмо уже полностью написано, лист бумаги кончается, и я вынужден завершить таким образом беседу с тобой... Будь здорова и не забывай бедного мужчину, чью душу ты спасла и осчастливила.

Минна¹ передала мне сердечный привет через Шенберга.

---

¹ *Минна* — младшая сестра Марты Бернайс.

Содержание

<i>С. Лайне</i> . Зигмунд Фрейд — разрушитель древних скрижалей.....	5
--	---

ПИСЬМА К НЕВЕСТЕ (1882—1886)

1882	17
1883	57
1884	95
1885	117
1886	155

Фрейд З.

Ф 86 Письма к невесте / Зигмунд Фрейд ; пер. с нем. С. Лайне. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 192 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

ISBN 978-5-389-08598-5

В настоящей книге личность и творчество всемирно известного австрийского психолога и психиатра, основоположника психоанализа Зигмунда Фрейда откроются читателю с несколько неожиданной стороны. В письмах, отправленных Фрейдом из Вены, Парижа и Берлина своей возлюбленной Марте Бернайс и охватывающих четырехлетний период — от помолвки до свадьбы (1882–1886), — будущий великий ученый и мыслитель предстает истинным поэтом. Исполненные нежности, любви и благородства, эти послания содержат также философские раздумья о жизни и смерти, о тайне человеческого бытия и психологических загадках, многие из которых Фрейд впервые исследует и объясняет миру.

УДК 159.9
ББК 88.5